

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ
ЧАСТЬ ССІХ.

1897.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, 97.
1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	45
Н. Г. Аммонъ. Ветеранъ русской повѣи	203
А. Н. Филипповъ. Докладъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти правительствующаго сената	275
М. И. Баринскій. Разборъ мнѣнія Милля о постулатахъ геометрическаго знанія, подразумеваемыхъ при геометрическихъ дефиниціяхъ	292

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. П. Некрасовъ. Введеніе въ исторію русской словесности. Изъ лекцій и изслѣдованій П. В. Владимірова, ординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владиміра. Кіевъ. 1896.	341
А. Л. Погодинъ. Матија Давкович. Прилог исторіи српске книжевности. Написао Др. Ђорђе С. Ђорђевић Београд. 1896. Изъ „Гласа“ LII и LIII.	355
В. В. Качановскій. P. Coquelle. Le royaume de Serbie. Paris, Vanier 1894. Къ вопросу о литературной дѣятельности въ царствованіе сербскаго царя Стефана Душана.—P. Coquelle. Histoire du Montenegro et de la Bosnie. Paris, Leroux. 1895.	360
Э. Л. Радловъ. Г. Цилеръ. Что такое нравственность. Переводъ съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. Изданіе редакціи журнала „Образованіе“. С. Пб. 1896	368
И. Д. Чечулинъ. Отвѣтъ на „замѣтку“ проф. Карѣва	371
— Книжныя новости	395
— Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ).	15

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1896—1896 учебный годъ	69
А. Л—ръ. Письмо изъ Парижа	107
Е. Ф. Шмуrho. А. Г. Вринеръ (некрологъ)	117
— Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина:	
I. Л. Н. Майковъ. Рѣчь, читанная въ Академіи Наукъ	168
II. С. Ф. Платоновъ. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ	163
III. Е. Ф. Шмуrho. Памяти К. Н. Бестужева-Рюмина.	177
IV. М. А. Козено. Хронологическій указатель литературныхъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина.	183
— Д. И. Георгіевскій (некрологъ)	206

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

А. Г. Маленицъ. Марціалъ о своихъ стихотвореніяхъ (продолженіе).	49
--	----

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Васильевскій.
(Вышла 1-го февраля).

ДОКЛАДЪ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕЛИЗАВЕТЪ ПЕТРОВНЪ О ВОЗ- СТАНОВЛЕНІИ ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

(Неизданный текстъ доклада и предисловіе).

Какъ извѣстно, вступивъ 25-го ноября 1741 года на престолъ, императрица Елизавета Петровна уже указомъ, даннымъ 12-го декабря того же года, повелѣла „кабинетъ, бывшій до сего времени, отставить“, а правительствующему сенату предоставила „имѣть прежде-бывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго рода дѣлъ, на основаніи учиненномъ отъ.... Петра Великаго, указами его, обрѣтающимися и нынѣ въ сенатѣ“ и пр.¹⁾ Извѣстно также, что мотивомъ къ этому важному акту, имѣвшему громадное значеніе для послѣдующей судьбы сената въ указанное царствованіе, послужило то обстоятельство, что императрица, вступивъ на престолъ, усмотрѣла, что „порядокъ въ дѣлахъ правленія государственнаго внутреннихъ *отмѣненъ* во всемъ отъ того (то-есть сравнительно съ тѣмъ), какъ было при отцѣ нашемъ и при матери нашей“, такъ какъ „въ другой годъ ея владѣнія, *проискомъ некоторыхъ*, прежній порядокъ правленія, установленный отъ нашего государя-родителя, нарушенъ вновь изобрѣтеннымъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, который продолжался и до кончины Петра Втораго. И хотя первый годъ владѣнія Ея Величества, государыни императрицы Анны Іоанновны, прежній отца нашего, государя Петра Великаго, порядокъ государственнаго внутренняго правленія былъ возобновленъ, но въ другой годъ ея же владѣнія паки оставленъ *сочиненіемъ кабинета*, въ равной силѣ, какъ былъ верховный тайный совѣтъ, и только имя переименовано, отъ чего

¹⁾ Пол. Соб. Зак., т. XI, № 8480.

произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло, какъ о томъ и сенатъ нашъ, поданнымъ намъ своимъ докладомъ 3-ю мая для сего года объявилъ¹⁾. Если подчеркнутыя нами слова указа 12-го декабря, говорившія о какомъ-то докладѣ, поданномъ императрицѣ правительствующимъ сенатомъ, могли наводить на мысль, что и послѣдній игралъ нѣкоторую роль въ вопросѣ столь высокой важности, какъ вопросъ разрѣшенный указомъ 12-го декабря, то ни о самомъ докладѣ, ни о его содержаніи доселѣ не было извѣстно никакихъ свѣдѣній въ историко-юридической литературѣ нашей, какъ и вообще было мало указаній на обстоятельства, сопровождавшія появленіе въ свѣтъ этого знаменитаго указа 12-го декабря. Послѣ долгихъ поисковъ въ нѣсколькихъ архивахъ нашихъ, намъ удалось въ государственномъ архивѣ найти *подлинный докладъ 3-ю декабря 1741 г.*, о которомъ говоритъ императрица въ своемъ именномъ указѣ 12-го декабря и который, несомнѣнно, легъ, въ извѣстной степени, въ его основаніе; при этомъ нѣкоторыя соображенія, указываемыя нами ниже, показываютъ, что докладъ этотъ былъ составленъ не сенатомъ, какъ можно-бы было заключать на основаніи словъ указа 12-го декабря, а особымъ *собраніемъ* какъ наличныхъ кабинетъ-министровъ и генералитета, такъ и нѣкоторыхъ сенаторовъ, вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ. Докладъ этотъ настолько замѣчателенъ по своему содержанію, что намъ казалось вполне необходимымъ напечатать его цѣликомъ, въ самой точной копіи. Позволяемъ себѣ лишь сдѣлать по отношенію къ этому докладу нѣсколько предварительныхъ разъясненій, а равно и сообщить все, что извѣстно намъ объ исторіи его составленія.

Докладъ указаннаго выше *собранія* прежде всего констатируетъ, что сама императрица, чрезъ генералъ-прокурора (должность котораго занималъ въ это время кн. Ник. Юр. Трубецкой, назначенный еще императрицею Анною Иоанновною въ 1740 г.), повелѣла собранію 2-го декабря 1741 г. (то-есть всего черезъ недѣлю послѣ своего воцаренія) „имѣть разсужденіе какъ о сенатѣ, такъ и о кабинетѣ, и какому впредь правительству быть“ и „о томъ о всемъ, разсмотря прежнія положенія, подать всеподданнѣйшее мнѣніе“. Собраніе, во исполненіе этого, выписываетъ всѣ важнѣйшія узаконенія, разсматриваетъ ихъ (въ своемъ докладѣ) въ порядкѣ постепеннаго изданія, даетъ,

¹⁾ Ibid.

хотя и краткую, но опредѣленную ихъ характеристику и въ заключеніе „всеподданнѣйше представляетъ“, что „ради всѣхъ вышепечисленныхъ затрудненій и долговременныхъ дѣлъ продолженій и бѣднымъ челобитчикамъ напрасной волокиты, разсуждается учредить сенатъ во всемъ на прежнихъ основаніяхъ, данныхъ“ отъ Петра Великаго, „и для того, оныя собравъ, изъ всѣхъ сочинить обстоятельную *сенатскую должность*, понеже тогда отъ Его Императорскаго Величества подлежащія къ должности указы положены послѣ сочиненной въ 1722 г. сенатской должности въ разныя числа и многіе, которымъ въ должности сенатской быть подлежить, въ опую не внесены“. Такъ какъ и въ намѣреніе императрицы входило (какъ это мы покажемъ ниже) возстановленіе сената „на прежнихъ основаніяхъ“, то эта часть доклада была немедленно удовлетворена въ указѣ 12-го декабря; относительно же составленія новой „должности“—или новаго „учрежденія“, „устава“ сената, какъ сказали-бы нынѣ—указъ 12-го декабря не говоритъ ничего и лишь повелѣваетъ сдѣлать реэстръ тѣмъ узаконеніямъ, которыя „съ состояніемъ сего настоящаго времени не сходны и пользѣ государственной противны“, представя этотъ реэстръ государынѣ, „съ изъясненіемъ, для чего имѣютъ быть (они) отмѣнены“...¹⁾ Входя далѣе въ обсужденіе отдѣльныхъ подробностей этого, ниже печатаемаго нами, доклада „собранія“, надо замѣтить, что если въ первой своей части—гдѣ собраніе говоритъ о времени Петра Великаго и его законодательствѣ по отношенію къ сенату—докладъ не содержитъ въ себѣ ничего почти новаго неизвѣстнаго въ наукѣ: то вторая часть доклада, касающаяся времени правленія верховнаго тайнаго совѣта, и въ особенности—*третья*, говорящая о правленіи кабинета министровъ—или „кабинета Ея Величества“, какъ иначе называютъ его первоисточники—полна, на нашъ взглядъ, глубокаго интереса, не только какъ свидѣтельство современниковъ о роли и значеніи двухъ вышеназванныхъ учреждений, но и какъ документъ, освѣщающій частію извѣстные, а частію впервые исполнѣ точно указываемые факты, относящіеся къ дѣятельности этихъ учреждений. Такъ, прежде всего, отмѣчая учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта, докладъ говоритъ, что это учрежденіе было „присовѣтовано“ Екатериной I-ой „дабы только большимъ быть отмѣннымъ отъ другихъ и дѣлать-бы, что хотять, не взирая на общую государственную пользу“ и присовѣтовано, „съ такимъ при томъ истолкованіемъ, чтобъ и его

¹⁾ Ibid.

королевскому высочеству..., герцогу Голштинскому въ ономъ-же *присутствіи свое имѣть*, дабы тѣмъ болѣе того Верховнаго Совѣта учрежденіе утвердить“; что, затѣмъ, въ отмѣнѣ, *по докладу* Верховнаго Тайнаго Совѣта, наименованія сената „правительствующимъ“—явно оказался *проискъ* присутствующихъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, къ собственной ихъ спеси, отъ коллегій президентовъ“. Если отмѣна наименованія сената „правительствующимъ“, *по почину Верховнаго Тайнаго Совѣта*, о чемъ говоритъ собраніе въ своемъ докладѣ, удостоверяется и другими неоспоримыми данными, намъ извѣстными (хотя нѣкоторые ученые, вопреки очевидности, и утверждаютъ противное ¹⁾ и если такимъ образомъ въ словахъ печатаемаго доклада можно лишь видѣть новое подтвержденіе этихъ данныхъ, то слова доклада о цѣляхъ, съ коими было „присовѣтовано“ Екаторинѣ I учрежденіе Совѣта, и о причинѣ введенія въ его составъ герцога Голштинскаго (слова, доложенныя при томъ—что весьма важно отмѣтить—*дочери* ея, которая могла, конечно, оцѣнить ихъ справедливость или несправедливость) заслуживаютъ вниманія не только потому что вносятъ, по своей рѣзкости, нѣкоторый новый оттѣнокъ въ вопросъ о происхожденіи Совѣта, но и потому, что и Елизавета Петровна, подобно собранію, находила,—какъ гласитъ ея указъ 12-го декабря,—что *проискомъ нѣкоторыхъ* нарушенъ „вновь изобрѣтеннымъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ“ установленный Петромъ Великимъ „прежній порядокъ управленія“. Все это небезынтересно сопоставить съ мнѣніемъ, явившимся въ недавнее время, по которому настала будто-бы „пора выбросить за бортъ нашей исторической ли-

¹⁾ Въ одномъ изъ протоколовъ Совѣта читаемъ: „позже Верховному Тайному Совѣту извѣстно учинилось, что въ сенатъ изъ первыхъ трехъ коллегій промеморій не принимаютъ за тѣмъ, что въ оныхъ не пишутъ (сенатъ) правительствующимъ (вслѣдствіе „спеси“ президентовъ этихъ коллегій, заседающихъ въ Совѣтѣ—какъ объясняетъ сенатскій докладъ, найденный нами)..., того ради *отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта*, сего марта 11-го дня, ходилъ о томъ докладывать Ея Императорскому Величеству т.-каб. секретарь Ал. Макаровъ и, пришедъ, объявилъ, что Ея Императорское Величество, *по предостовленію Верховнаго Тайнаго Совѣта*, указала сенату съ нынѣшняго времени именоваться и писаться *высокій сенатъ, а не правительствующій*“ (Опись Сен. Арх., составленная Г. Барановымъ, т. II, стр. III; срав. также мою „Исторію Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта“ и пр., стр. 154 сл.). А по мнѣнію проф. Алексѣева, указъ о переименованіи сената является ничѣмъ инымъ, какъ *непосредственнымъ повелѣніемъ императрицы* („Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта“ и пр., стр. 101).

тературы старую легенду объ олигархическомъ происхожденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта“ и по которому „иниціатива организаціи Верховнаго Тайнаго Совѣта“ будто-бы исходила отъ человѣка, стоявшаго въ это время всего ближе къ Екатеринѣ, отъ человѣка, въ которомъ она видѣла своего ближайшаго родственника, своего сына, лучшаго истолкователя наиболѣе близкиѣ ея сердцу интересовъ (то-есть отъ герцога Голштинскаго ¹⁾). Современники, наиболѣе близко стоявшіе къ дѣлу, судили, однако, иначе, и съ мнѣніемъ ихъ нельзя, конечно, не считаться...

Касаясь далѣе дѣятельности совѣта въ царствованіе Петра II, докладъ „собранія“ отмѣчаетъ, что совѣтъ, послѣ отъѣзда изъ Россіи герцога Голштинскаго и цесаревны Анны Петровны—, чтобы болѣшую власть имѣть“— „*выключилъ изъ присутствія*“ своего и Елизавету Петровну, „нынѣ благополучно и счастливо государствующую“ императрицу, а затѣмъ оставшіяся (въ совѣтѣ) „персоны“,— „всякой для своихъ собственныхъ дѣлъ, немало указовъ понадѣлали и черезъ то Петра Великаго многіе зѣло надобные указы отмѣнены“... Насколько послѣднее замѣчаніе доклада представляется вѣрнымъ, можно легко судить изъ обзора указной дѣятельности совѣта въ это время ²⁾). Что же касается вопроса о „выключеніи“, то въ разъясненіе его надо замѣтить слѣдующее: 4-й пунктъ „тестаментна“ Екатерины I гласилъ, что „во время малолѣтства (императора) имѣють администрацію вести наши обѣ цесаревны (Анна и Елизавета), герцогъ и прочіе члены Верховнаго Совѣта, который *обще* изъ 8 персонъ состоять имѣють“. Несмотря на категоричность этого повелѣнія Екатерины I, Совѣтъ, однако, уже вскорѣ послѣ ея кончины, нашелъ возможнымъ не соблюдать указаннаго пункта и пересталъ приглашать цесаревенъ въ свои засѣданія ³⁾, и докладъ „собранія“ вполне справедливо обращаетъ вниманіе Елизаветы Петровны на это нарушеніе „тестаментна“, нарушеніе, живо чувствовавшееся и самою ею, конечно. Зная общій характеръ дѣятельности совѣта, какъ такового, нельзя сомнѣваться, кажется, и въ вѣрности мотива, указываемаго докладомъ („чтобъ болѣшую власть имѣть“...) въ объясненіе этого нарушенія... Какъ извѣстно, послѣ уничтоженія Верховнаго Тайнаго Совѣта, на нѣкоторое время было восстановлено верховное значеніе сената, какъ учрежденія, и сенатъ вновь сталъ въ непосредственное

¹⁾ Проф. *Александръ*, *ibidem*, стр. 14, 54.

²⁾ См. мою „Исторію Сената“ и пр., стр. 50 сл., 62 сл., 76 сл., 190 сл. и др.

³⁾ Подробности объ этомъ, *ibid.* стр. 63, 192.

отношеніе къ верховной власти: „во ономъ сенатѣ“, — говоритъ докладъ, — „нѣсколько изволила Ея Величество сама присутствовать, что тогда *не къ сказанной радости въ народъ видимо было* и доклады чинены Ея Величеству прямо отъ сената“ и пр. Съ перваго взгляда такое утверженіе доклада можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Надо, однако, замѣтить, что возстановленіе правительствующаго сената—въ такой силѣ, какъ былъ при государѣ императорѣ Петрѣ Великомъ—являлось мѣрою очень популярною въ то время, что это возстановленіе весьма желалось шляхетствомъ, почему Анна Іоанновна, послѣ возстановленія самодержавія, и поспѣшила на первыхъ же порахъ удовлетворить, хотя и ненадолго, и при томъ больше для виду, этому желанію. Нельзя не отмѣтить также, что въ томъ движеніи, какое вызвано было въ тогдашнемъ дворянскомъ обществѣ обстоятельствами воцаренія Анны Іоанновны, имя петровскаго сената всегда провозносилось съ уваженіемъ и сенату всегда отводилось то или другое, но важное мѣсто въ предполагаемыхъ реформахъ. Просматривая какъ печатныя, такъ и архивныя дашныя, относящіяся къ этому движенію, мы не нашли указаній на то, чтобы какая-либо изъ предполагавшихся реформъ была направлена *противъ* сената (чего, однако, нельзя сказать о Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, уничтоженіе котораго требовали, какъ извѣстно, нѣкоторые проекты). Неудивительно поэтому, что и присутствіе императрицы въ засѣданіяхъ возстановленнаго петровскаго сената, могло радостно привѣтствоваться тогдашнимъ обществомъ, тѣмъ болѣе, что уже въ это время ходили неясныя слухи о новомъ учрежденіи, которое должно было измѣнить компетенцію сената и стать *надъ* нимъ...

Новое учрежденіе не замедлило явиться на свѣтъ, въ лицѣ кабинета министровъ. Какъ описанію дѣятельности, такъ и критикѣ дѣйствій этого учрежденія посвящена послѣдняя и вмѣстѣ съ симъ самая интересная (по новизнѣ сообщаемыхъ фактовъ и по ихъ оцѣнкѣ) часть печатаемаго нами доклада вышеназваннаго „собранія“. Въ этой части собраніе прежде всего отмѣчаетъ, предъ лицомъ воцарившейся государыни, тотъ фактъ, что вскорѣ послѣ возстановленія власти сената (по указу 4-го марта 1730 г.) „*почти чрезъ цѣлый годъ* (то есть въ теченіи почти цѣлаго года до официального учрежденія кабинета, послѣдовавшаго 6-го ноября 1731 г.) *тайно содержался*

¹⁾ Какъ извѣстно, въ литературѣ нашей, на основаніи даты Полнаго Собранія Законовъ (т. VIII, № 5871) учрежденіе кабинета министровъ обыкновенно

въ рукахъ гр. Остермана кабинетъ и указы именныя и резолюціи многія (императрицы) писаны были рукою при немъ, Остерманъ, обрѣтающагося секретаря Сергѣя Семенова“. Въ литературѣ нашей есть указанія на то, что слухи о созданіи кабинета стали распространяться въ обществѣ задолго до официального учрежденія кабинета, при чемъ къ этимъ слухамъ—почти всегда примѣшивалось имя Остермана¹⁾; есть также данныя предполагать, что кабинетъ сталъ дѣйствовать нѣсколько ранѣе его официального учрежденія; но положеніе Остермана въ этомъ „тайно-содержимомъ“ имъ кабинетѣ доселѣ было малозвѣстно и во всякомъ случаѣ оно *степени* столь точно и опредѣленно обрисовывается въ вышеуказанныхъ словахъ печатаемаго нами доклада; нѣтъ при этомъ основаній предполагать—зная, какую *особице* роль игралъ Остерманъ въ царствованіе Анны,—чтобы собраніе не вѣрно представило положеніе Остермана въ этомъ первоначальномъ неофициальномъ кабинетѣ...

Упомянувъ затѣмъ весьма рѣзко, что, по словамъ указа 6-го ноября,—„отъ Ея Величества, *яко-бы* для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному Ея Величества рѣшенію подлежащихъ и *будто-бы* ради пользы государственной и вѣрныхъ подданныхъ учрежденъ при дворѣ Ея Величества кабинетъ“ и что-де „такое по учрежденіи сперва верховнаго тайнаго совѣта, а потомъ кабинета—*ибо, хотя имена разныя, а*

приурочивается къ 10-му ноября 1731 г.; докладъ же сената называется 6-го ноября днемъ официального учрежденія кабинета. Последняя дата, несомнѣнно, вѣрнѣе, какъ это видно изъ копій указа объ учрежденіи кабинета, сохранившагося въ архивѣ министерства юстиціи и подписаннаго императрицею 6-го ноября (см. мою статью „Кабинетъ министровъ и Пр. Сенатъ“ и пр. въ „Сборникѣ правовѣднѣя“ и пр., т. VII).

¹⁾ Въ мартѣ 1730 г. Маньянъ, напримѣръ, сообщалъ французскому правительству, что царица не сформировала еще кабинета, *какъ того ожидали*“ (Сбор. Р. И. Общ., т. LXXV, стр. 521). Клавдія Рондо доносилъ въ маѣ мѣсяцѣ того же года, „что изъ хорошаго источника слышалъ, что вскорѣ для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ *будетъ назначенъ кабинетъ*, и тогда секретныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе сената болѣе представлять не стануть“. „Многіе полагають“, добавляетъ онъ, „что это было бы сдѣлано немедленно, но гр. Остерманъ предварительно старается отпратить П. И. Ягужинскаго посломъ въ Польшу, дабы не вводитъ его въ составъ кабинета“ (ibid., LXVI, стр. 193). Въ то же почти время, де-Лирія, въ донесеніи своемъ въ Испанію, сообщалъ что говорятъ объ образованіи кабинета или *частнаго совѣта*, который будетъ состоять изъ 4-хъ или 5-ти личностей, между которыми, конечно, будутъ великій канцлеръ (гр. Головкинъ), Остерманъ, и кн. Черкасскій („XVIII вѣкъ“, т. III, стр. 62).

дѣйство почти одно въ обѣихъ (sic) было ¹⁾—сенатъ остался уже не въ такой силѣ“ (какъ при Петрѣ Великомъ)—тотъ-же докладъ обрисовываетъ затѣмъ дѣятельность кабинета и приходитъ къ выводу, что для устраненія „затрудненій и долговременныхъ дѣлъ продолженій и бѣднымъ челобитчикамъ напрасной волокиты“ надо возстановить сенатъ „на прежнихъ основаніяхъ“ петровскаго времени, то-есть, иначе говоря, прежде всего начать съ уничтоженія кабинета. Едва-ли, однако, ссылка собранія на „напрасную волокиту“ челобитчикамъ со стороны кабинета должна быть принята безъ всякихъ оговорокъ. Самъ сенатъ постоянно былъ упрекаемъ современниками въ медленности рѣшеній дѣлъ и волокитѣ челобитчиковъ; созданіе въ лицѣ кабинета, высшей инстанціи едва-ли много повредило-бы интересамъ тяжущихся; наоборотъ, можно указать случаи, когда сенатъ, понуждаемый кабинетомъ, долженъ былъ поневолѣ быстрѣе рѣшать дѣла. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что учрежденіе кабинета — при той юридической неопредѣленности, какая отличала его отношенія къ сенату и коллегіямъ, при склонности кабинета непосредственно, „мимо сената“, воздѣйствовать на подчиненныя послѣднему учрежденія — могло внести въ дѣлопроизводство сената тѣ „затрудненія“, на которыя указываетъ докладъ. Малочисленность состава кабинета, — при массѣ всякаго рода дѣлъ, притянутыхъ имъ къ своей компетенціи (какъ утверждалъ одинъ изъ членовъ кабинета, знаменитый Вольтинскій, министры въ кабинетъ „натаскивали на себя много дѣлъ и не надлежащихъ“ имъ), — могла, естественно, приводить къ тому, что изъ кабинета „по многимъ нужнѣйшимъ дѣламъ чрезъ долгое время резолюціи (на доклады сената) получаемы не было, а по инымъ, хотя резолюціи и получались, токмо зѣло темныя, съ такими затруднительными запросами, что нетокмо въ нѣсколько мѣсяцевъ, но ниже чрезъ нѣсколько лѣтъ, исправиться невозможно“. Несомнѣнно, что отъ этого прежде всего терпѣлъ сенатъ, на плечи коего кабинетомъ — какъ въ этомъ насъ убѣдило собственное изученіе, на основаніи архивныхъ данныхъ, вопроса—взваливалось много труда, при чемъ нерѣдко это производило „помѣшательство и остановку въ сенатскихъ нистоящихъ дѣлахъ“, то-есть, въ тѣхъ дѣлахъ, разрѣшеніемъ коихъ обязанъ былъ заниматься сенатъ уже въ силу своей „должности“ и

¹⁾ Интересно съ подчеркнутыми словами доклада сената сооставить слова указа 12-го декабря, на немъ основаннаго: по указу — кабинетъ „сочиненъ *въ равной силѣ*, какъ былъ верховный тайный совѣтъ, *токмо ила перемѣнено*“...

другихъ узаконеній. Въ общемъ, весь докладъ собранія,—поскольку дѣло идетъ о характеристикѣ имъ верховнаго тайнаго совѣта и кабинета—носить, несомнѣнно, печать рѣзко-отрицательнаго отношенія къ двумъ названнымъ учрежденіямъ. Умаленіе верховныхъ правъ сената рассматривается здѣсь какъ дѣйствіе вредоносное и интересамъ государства, и общей пользы, почему собраніе такъ проницательно относится къ утвержденію указа 6-го ноября 1731 г. (этимъ указомъ создавался кабинетъ), что кабинетъ основанъ „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ“ и пр., а относительно верховнаго тайнаго совѣта замѣчаетъ, что онъ былъ созданъ, „дабы только большимъ быть *отличнымъ* отъ другихъ“ и пр.

Такая постановка вопроса,—не говоря уже о томъ, что собраніе имѣвшее въ своей средѣ сенаторовъ, во главѣ съ генераль-прокуроромъ, могло вполне искренно порицать затрудненія и неурядки, связанные съ дѣятельностью верховнаго тайнаго совѣта и кабинета—вызывалась также и тѣмъ обстоятельствомъ, что собранію было извѣстно „намѣреніе“ императрицы возстановить сенатъ „на томъ фундаментѣ“, какой былъ при Петрѣ Великомъ. Для этого требовалось выяснить въ докладѣ всѣ тѣ отрицательныя стороны „правленія“ верховнаго тайнаго совѣта и кабинета, какими нарушался „прежній порядокъ“. Едва-ли поэтому въ докладѣ могло быть мѣсто тѣмъ мнѣніямъ, авторы коихъ смотрѣли-бы на вопросъ иначе ¹⁾... Въ поясненіе сказаннаго, скажемъ еще нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ составленіе этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго доклада. До насъ дошли (хотя и весьма кратко составленные) журналъ и протокольная записка, съ 25-го ноября по 12-е декабря 1741 года, въ которыхъ изображено все то, что происходило въ собраніи „министровъ и генералитета“, коимъ было поручено, между прочимъ, обсужденіе вопроса, „есть ли нужда быть впредь кабинету, или нѣтъ“ и пр. (объ этомъ порученіи скажемъ ниже). Въ журналѣ 2-го

¹⁾ Въ запискѣ, поданной [Екатериной II лѣвѣстнымъ гр. Н. И. Панинымъ въ 1762 г. такъ характеризуется, напр., кабинетъ министровъ: „образъ восшествія на престолъ покойной императрицы (Елизаветы Петровны) требовалъ ея разумной политики, чтобы, хотя сначала, сообразоваться съ неоконченными уставами правленія великаго ея родителя, *вслѣдствіе чего тотчасъ былъ истребленъ учрежденный до того во всей юсударственной формѣ кабинетъ*, который, особливо, наконецъ, когда Биронъ упалъ, принялъ было *такую форму*, которая могла провестъ государево общее обо всемъ попеченіе“... (Сборникъ Истор. Общества, VII, стр. 206).

декабря читаемъ, что „послѣ именнаго-же указа имѣли въ *собраніи* разсужденіе: быть-ли впредь кабинету или сенату, и положено о семъ дальнѣйшее разсужденіе имѣть завтрашняго числа“; въ журналѣ-же 3-го декабря отмѣчено, что „по силѣ вчерашняго указа слушаны прежнія учрежденія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ихъ императорскихъ величествъ объ учрежденіи сената, верховнаго тайнаго совѣта и кабинета, и разсуждаемо быть ли кабинету или сенату, а потомъ слушанъ о семъ дѣль сочиненный и отъ генерал-прокурора предъявленный докладъ и подписанъ“. Итакъ, прежде всего заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что „собраніе“ разсуждало о вопросѣ,—быть-ли впредь кабинету или сенату, — въ силу *именнаго* указа воцарившейся государыни (какъ это, впрочемъ, отмѣчено и въ самомъ докладѣ собранія), а затѣмъ и то, что собраніе подписало докладъ, составленный кн. Н. Ю. Трубецкимъ (изъ кого состояло собраніе — видно изъ подписей на докладѣ). Затѣмъ, — какъ явствуетъ изъ записи журнала отъ 12-го декабря—„дѣйствительный статскій совѣтникъ Черкасовъ (кабинетъ-секретарь) принесъ отъ Ея Императорскаго Величества сего-же числа, *на имя сената*, подписанный указъ о бытіи, по прежнему, сенату, о назначеніи сенаторовъ и о прочемъ, и тотъ Ея Императорскаго Величества указъ читанъ“... Указъ этотъ и являлся отвѣтомъ на докладъ собранія о томъ-же предметѣ, печатаемый нами ниже. Спрашивается теперь, въ какомъ отношеніи, по своему *содержанію*, стоялъ докладъ собранія къ первоначальному повелѣнію императрицы, объявленному ему 2-го декабря? Приложение къ вышеназванному журналу „собранія“ даетъ на это слѣдующій отвѣтъ: „Ея Императорскаго Величества *словесный* указъ, чрезъ генералъ-прокурора 2-го декабря 1741 г. *собранію* объявленный, чтобъ имѣть разсужденіе, есть-ли нужда быть впредь кабинету или нѣтъ; а *Ея Императорскаго Величества высочайшее намѣреніе въ томъ состоитъ, что не лучше-ли, чтобы правительство возобновить на томъ фундаментъ, какъ оное было при жизни блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Государя-родителя Ея Величества Петра Великаго и для того-бы сенату быть въ такой силѣ, какъ оной въ то время было*“¹⁾... Итакъ, сама императрица дала собранію ясное и опредѣленное указаніе о *направленіи* предполагаемой реформы; этимъ значительнѣйше было обусловлено *содержаніе* доклада, который долженъ былъ служить лишь историческою справкою, могу-

¹⁾ *Сенатскій Архивъ*, томъ V (С.-Пб. 1892 г.), стр. 305, 306, 312, 318.

щею обосновать „разумную политику“ — возвращеніе къ самому выдающемуся учрежденію великаго императора, сенату. „Высочайшее намѣреніе“ было лишь подкрѣплено въ докладѣ фактами и соображеніями, собранными генераль-прокуроромъ, принятыми затѣмъ собраніемъ и частію буквально, частію въ измѣненномъ видѣ, вошедшими въ указъ 12-го декабря 1741 года, коимъ возстановлялась сила прежняго петровскаго сената. Нельзя не подивиться той быстротѣ, съ которою былъ составленъ и обсужденъ обширный докладъ. Повидимому, требовалось, какъ можно скорѣе, показать готовность „сообразоваться“ съ уставами Петра Великаго; собраніе, зная это, не откладывало дѣла..

Небезъинтересно остановиться въ заключеніи на составѣ собранія. Въ упомянутыхъ выше журналѣ и протокольной запискѣ — „происхожденію въ собраніи ихъ сіятельствъ, г.г. министровъ и генералитета“ — читаемъ: „начавъ съ сего числа (то-есть, со дня восшествія на престолъ Елизаветы Петровны, 25-го ноября), даже до того времени, пока правительствующій сенатъ учрежденъ (то-есть, до 12-го декабря), по указу Ея Императорскаго Величества присутствовали въ домѣ Ея-же Величества въ *собраніи* нижеслѣдующіе господа: генераль-фельдмаршалъ кн. Ив. Юр. Трубецкой, генераль-фельдмаршалъ графъ фонъ-Лессій, государственный канцлеръ, кн. Ал. Мих. Черкасскій, генераль Гр. Петр. Чернышевъ, генераль Анд. Ив. Ушаковъ, генераль Вас. Як. Левашевъ, адмираль гр. Ник. Оед. Головинъ, оберъ-штаммейстеръ кн. Ал. Бор. Куракинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ал. Петр. Бестужевъ-Рюминъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и генераль-прокуроръ, кн. Н. Ю. Трубецкой, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ал. Льв. Нарышкинъ, всего 11 персонъ“¹⁾. Эти же лица, въ только-что указанномъ порядкѣ, подписались и подъ печатаемымъ нами докладомъ о возстановленіи власти сената, и именно отъ лица этого чрезвычайнаго *собранія*, дѣйствовавшаго въ первые дни воцаренія Елизаветы Петровны (кабинетъ въ это время не собирался вовсе), былъ представленъ этотъ докладъ государынѣ. Что же это за собраніе по положенію лицъ, въ него вошедшихъ? Во первыхъ въ его составѣ мы видимъ двухъ кабинетъ-министровъ (третій, или вѣрнѣе сказать — *первый* по своему значенію, кабинетъ-министръ, гр. Остерманъ, былъ въ это время уже арестованъ и судимъ, какъ государственный преступникъ, вмѣстѣ съ четвертымъ кабинетъ-министромъ М. Головкинымъ)—кн. Черкаскаго и Бестужева-Рюмина, вѣ-

¹⁾ Ibidem, стр. 801.

сколькихъ сенаторовъ (но не всѣхъ, однако, составлявшихъ тогда присутствіе сената) и генераль-прокурора, изъ подъ пера коего вышелъ самый докладъ собранія, и, наконецъ, нѣкоторыхъ лицъ, не входившихъ въ составъ ни кабинета, ни сената послѣдняго царствованія, каковы—гр. Лесси, Левашевъ, гр. Головинъ и кн. Куракинъ. Характерно отмѣтить, что въ подписаніи доклада, содержавшаго столь рѣзкую критику дѣятельности кабинета, участвовали два наличныхъ кабинетъ-министра, изъ коихъ одинъ (кн. Черкасскій) засѣдалъ въ кабинетѣ съ перваго дня его официального открытія до момента уничтоженія. Потому ли, что дѣло уничтоженія кабинета входило въ „намѣреніе“ императрицы, и защита кабинета,—когда главный виновникъ (по словамъ доклада) созданія этого учрежденія, гр. Остерманъ, былъ обвиняемъ „въ проискѣ“ объ устраненіи Елизаветы Петровны (послѣ кончины Екатерины I) отъ престола — было дѣломъ бесполезнымъ; потому ли, что громадное большинство собранія имѣло въ своемъ распоряженіи сильные доводы противъ кабинета, но наличные кабинетъ-министры не нашли, повидимому, ничего сказать въ пользу учрежденія, или, по крайней мѣрѣ—ослабить силу нападковъ на него „собранія“... Вѣроятно предположить, что совокупность всего указаннаго влѣстѣ рѣшила вопросъ...

Какъ указано выше, докладъ о возстановленіи власти правительствующаго сената „на прежнихъ основаніяхъ“ шелъ отъ того чрезвычайнаго собранія, которое дѣйствовало въ первые дни царствованія Елизаветы Петровны, замѣняя собою *de facto* и кабинетъ, и сенатъ. Указъ же 12-го декабря ссылается,—какъ мы говорили раньше,—на докладъ сената отъ 3-го декабря. Нѣтъ никакого, однако, сомнѣнія, что подъ докладомъ сената надо подразумѣвать ничто иное, какъ докладъ собранія, дѣйствовавшаго въ это время (именно докладъ, печатаемый нами ниже), какъ это засвидѣтельствовано журналомъ и протокольною запискою этого собранія, и какъ это легко доказать, сравнивая содержание указа 12-го декабря съ докладомъ собранія 3-го декабря: несомнѣнно, что докладъ собранія повторенъ, въ известной степени, въ содержаніи и даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ указа. Спрашивается, почему же императрица называетъ докладъ этого чрезвычайнаго собранія докладомъ сената? Мнѣ кажется, что это можетъ быть объяснено такъ: указъ 12-го декабря былъ предназначенъ къ объявленію „во всенародное извѣстіе“; едва ли поэтому можно было въ немъ говорить о какомъ-то, мало кому извѣстномъ и чрезвычайномъ „собраніи“ министровъ и генералитета. Затѣмъ, само это „собраніе“.

состоявшее изъ четырехъ сенаторовъ и генераль-прокурора сената, двухъ кабинетъ-министровъ и 4-хъ представителей „генералитета“, могло разсматриваться, какъ собраніе *сената*, временно усиленное призывомъ тѣхъ лицъ, какихъ императрица нашла нужнымъ пригласить; примѣры такихъ собраній бывали и раньше... Для другихъ предположеній, могущихъ объяснить разбираемое обстоятельство иначе, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ...

Всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, самодержицѣ всероссійской.

Всеподданнѣйшій докладъ.

По всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества указу, объявленному въ собраніи чрезъ генерала-прокурора, сего мѣсяца 2-го числа, Высочайше повелѣвается имѣть разсужденіе какъ о Сенатѣ, такъ и о Кабинетѣ, и какому впредь правительству быть, о томъ о всемъ, разсмотря прежнія положенія, подать всеподданнѣйшее мнѣніе; во исполненіе чего всѣ прежде-учиненныя о правительствѣ положенія выписаны, какъ ниже сего слѣдуетъ.

Въ прошломъ 1711-мъ году, марта 2-го дня, блаженные и вѣчно-достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій изволилъ учредить Правительствующій Сенатъ, которому вручилъ правленіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ, о чемъ, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, даны пункты и всемилостивѣйше повелѣлъ, дабы всякъ тому Сенату и ихъ указамъ былъ послушенъ и въ томъ Сенатѣ изволилъ Его Величество высочайшею своею особою присутствовать.

Въ 1718-мъ году дана оному Сенату за собственноручнымъ-же Его Величества подписаніемъ должность и по сочиненіи коллегій нѣкоторыя изъ сенаторовъ опредѣлены отъ Его-же Величества въ коллегіи президентами, а и въ Сенатѣ оныя присутствовали-жъ. Въ 1722-мъ году, генваря 12-го дня, въ именномъ Его-жъ Величества указѣ за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ Сенатѣ написано тако: понеже правленіе сего государства, яко неразпоряженнаго предъ симъ, непрестанныхъ трудовъ въ Сенатѣ требуетъ, а члены сенатскіе почитай всѣ свои коллегіи имѣютъ, того ради не могутъ онаго снести, сія сначала неосмотря учинено, что

нынѣ исправить надлежитъ, сіе и прочее къ тому надлежащее какъ слѣдуетъ,

1) чтобъ, кромѣ двухъ воинскихъ коллегій и иностранной, выбрать иныхъ президентовъ, а именно въ юстицъ, въ каморъ, въ коммерцъ, въ мануфактуръ коллегіи и въ штабсъ-контору (надлежало-бы и въ бергъ-коллегію, но заобычайнаго не знаю; того ради, пока такой сыщется, быть по старому); также въ Сенатѣ прибавить изъ министровъ, которые нынѣ при чужестранныхъ дворахъ, дабы сенатскіе члены партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились о распорядкѣ государства и правомъ судѣ и смотрѣли-бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ, а нынѣ, сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить;

2) президенты воинскихъ коллегій, иностранной и бергъ-коллегіи должности не будутъ имѣть ходить въ Сенатъ, кромѣ ниже-писанныхъ причинъ:

1) когда какія нужны вѣдомости, 2) когда новый какой указъ, въ государствѣ публиковать надлежитъ, 3) когда судъ генеральной, 4) или новое какое дѣло рѣшенія требующее, 5) когда я присутствую, понеже довольно дѣла будетъ каждому въ своей коллегіи.

По тому Его Величества высочайшему указу, въ вышеписанныя коллегіи выбраны и опредѣлены были новые президенты, которые въ Сенатѣ уже не присутствовали, а напротивъ того сенаторы, кромѣ первыхъ трехъ, тако-жъ и бергъ—коллегіи, президентами въ коллегіяхъ не были, а ради чужестранныхъ дѣлъ въ совѣтъ употреблены были, въ прибавокъ къ канцлеру и вице-канцлеру, изъ тѣхъ-же сенаторовъ министры, тайные дѣйствительные совѣтники, князь Григорій Долгорукій и Петръ Толстой, которымъ всѣ входящія изъ всѣхъ мѣсть реляціи, и по нихъ отпускаемые рескрипты, всегда сообщаемы были; когда-же были совѣты о военныхъ дѣлахъ, то призваны были къ тому генералъ-фельдмаршалы, генералъ-адмиралъ и другіе, по усмотрѣнію, изъ генералитета и флагмановъ.

Въ томъ-же 1722-мъ году, апрѣля 27-го дня, дана Сенату, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, новая должность, (по которой повелѣно исполнять, а старую, ради ея неполности, отставить), въ которой въ 1-мъ пунктѣ написано: Сенату надлежитъ состоять изъ тайныхъ дѣйствительныхъ и тайныхъ совѣтниковъ.

Оной Сенатъ, въ вышеозначенной силѣ, правленіе имѣлъ до кончины Его Величества, тако-жъ и при благополучномъ владѣніи государствомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти великой государыни

императрицы Екатерины Алексѣевны, февраля по 8 число 1726 году; а съ того числа, дабы только большимъ быть отиѣннымъ отъ другихъ и дѣлать-бы что хотятъ, не взирая на общую государственную пользу, Ея Императорскому Величеству присовѣтовано о учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта съ такимъ при томъ истолкованіемъ, чтобы и Его Королевскому Высочеству, блаженныя памяти герцогу Голштинскому, въ ономъ-же присутствіе свое имѣть, дабы тѣмъ болѣе того Верховнаго Совѣта учрежденіе утвердить и тако съ того времени при дворѣ Ея Императорскаго Величества, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ, указала учредить Верховный Тайный Совѣтъ, который по вышеписанному и учрежденъ.

А въ Сенатѣ, по именному ея величества указу, опредѣлено быть другимъ персонамъ и 7-го марта того году отъ Ея Величества подписана и дана Сенату новая должность: а 11-го того-жъ марта по именному Ея-жъ Величества указу, записанному въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ на докладъ онаго, велѣно Сенату съ того времени именовать и писаться Высокій Сенатъ, а не правительствующій, для того, что сіе-де слово правительствующій непристойно и изъ первыхъ трехъ коллегій писать въ Сенатъ и изъ Сената въ оныя промеморіями (черезъ что уже и явно оказалось проискъ присутствующихъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, къ собственной ихъ спеси, отъ коллегій президентовъ, ибо и указы въ тѣ коллегіи изъ Сената принимать спесивились и тако для собственной спеси общая польза забыта стала).

А по кончинѣ Ея Величества, во время государствованія Его Императорскаго Величества, Государя Петра втораго, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ въ 1727 году при Его Велиествѣ присутствовали блаженныя памяти Ея Высочество, государыня цесаревна Анна Петровна, да нынѣ счастливо и благополучно государствующая, Великая Государыня Императрица Елизаветъ Петровна и блаженныя памяти его королевское высочество герцогъ Голштинскій, да изъ министровъ генераль-адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ, дѣйствительные тайные совѣтники князь Голицынъ, князь Василій Лукинъ сынъ Долгорукій и баронъ Остерманъ (и чтобъ большую власть имѣть, по отъѣздѣ блаженныя памяти Государыни Цесаревны Анны Петровны и его Высочества Герцога, уже и Ея Императорское Величество изъ присутствія выключена-жъ) и тако тѣ персоны, всякій для своихъ собственныхъ дѣлъ, немало указовъ надѣлали (и черезъ

то Петра Великаго многіе зѣло надобныя указы отиѣнены) и отъ того время Верховный Тайный Совѣтъ и Высокій Сенатъ, на вышеозначенномъ основаніи, правленіе имѣли, марта по 4-е число 1730 году.

А того числа, по именному, блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, за собственноручнымъ подписаніемъ, указу, Верховный Тайный Совѣтъ и Высокій Сенатъ отставлены, а вмѣсто того для управленія учрежденъ по прежнему Правительствующій Сенатъ, на такомъ основаніи и въ такой силѣ, какъ былъ при Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ и правленіе ему поручено, по должности, данной Сенату отъ Его-жъ Величества 1722 году; въ ономъ Сенатѣ нѣсколько изволила Ея Величество сама присутствовать, что тогда не къ сказанной радости въ народѣ видимо было и доклады чинены Ея Величеству прямо отъ Сената и съ тѣмъ повелѣно было къ ея величеству приходить по нѣскольку персонъ изъ сенаторовъ, что и чинено было.

А потомъ, почти чрезъ цѣлый годъ, тайно содержался въ рукахъ графа Остермана Кабинетъ и указы именныя и резолюціи многія писаны были рукою при немъ, Остерманъ, обрѣтающагося секретаря Сергѣя Семенова.

А въ 1731 году, ноября 6-го дня, отъ ея императорскаго величества, якобы для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ къ собственному Ея Величества рѣшенію подлежащихъ и будто бы ради пользы государственной и вѣрныхъ подданныхъ, учрежденъ при дворѣ Ея Величества Кабинетъ, въ которомъ опредѣлены изъ министровъ канцлеръ графъ Головкинъ, дѣйствительныя тайныя совѣтники, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, да князь Черкасскій и правленіе онаго Кабинета продолжалось до нынѣ.

И такъ по учрежденіи сперва Верховнаго Тайнаго Совѣта а потомъ Кабинета (ибо хотя имена разныя, а дѣйство почти одно въ обѣихъ было) Сенатъ остался уже не въ такой силѣ, какъ прежде было блаженныя и вѣчно-достойныя памяти отъ Государя Императора Петра Великаго учреждено, но всѣ подлежащія къ собственному Ея Величества дѣлу рѣшенію доклады подаваемы были чрезъ Кабинетъ, изъ которыхъ многіе, по разсужденію министровъ, возвращены были съ ихъ резолюціями и иные-жъ и безъ резолюцій паки были отдаваемы, съ одними словесными приказами ко изъясненію, а по инымъ въ Кабинетѣ справки собиралися и объ одномъ дѣлѣ бывало взношено изъ Сената докладовъ или сообщеній по два и по три, но по многимъ нужнѣйшимъ чрезъ долгое время резолюція получаемы не

было, а по инымъ, хотя резолюціи и получалися, токмо зѣло темныя, съ такими затруднительными запросами, что не токмо въ нѣсколько мѣсяцевъ, но ниже чрезъ нѣсколько лѣтъ, исправиться не можно; сверхъ-же того, мимо Сената, прямо изъ Кабинета, посланы были не токмо въ коллегіи, но и въ самыя подчиненныя мѣста и въ губерніи и въ провинціи о разныхъ дѣлахъ указы, по которымъ чинено исполненіе, о чемъ въ Сенатѣ и извѣстія никакого не было, и репорты, тако-жъ и доклады, подаваны мимо Сената изъ тѣхъ мѣстъ прямо въ Кабинетъ, а Сенату о томъ вѣдать было не давано, отъ чего произошли великіе не порядки; еще же о разныхъ дѣлахъ, не давая Сенату знать, чинены въ разныхъ мѣстахъ многія слѣдствія, кои по окончаніи велѣно было изъ тѣхъ мѣстъ присылать прямо въ Кабинетъ, но какъ въ Кабинетъ бывали присыланы, тогда изъ онаго присыланы были для разсмотрѣнія въ Сенатъ, отъ чего въ сенатскихъ настоящихъ дѣлахъ многое помѣшательство и остановка произошла, ибо что было надлежало разсмотрѣ рѣшить, которой коллегіи то все, по резолюціямъ кабинетнымъ, принуждено разсматривать въ Сенатѣ: что-жъ должно было прежде разсмотрѣно быть въ Сенатѣ, яко то постановленіе новыхъ регламентовъ, инструкцій и прочаго къ вѣчности подлежащаго, то изъ коллегій и изъ прочихъ мѣстъ подавано было прямо въ Кабинетъ, гдѣ и опробовано бывало; и тако никакихъ не порядковъ не токмо за всѣмъ государствомъ, но и за ближними коллегіями Сенату усмотрѣть не возможно и чрезъ такое учрежденіе обѣихъ тѣхъ мѣстъ (яко то Верховаго Совѣта, а потомъ Кабинета) не иное что, но токмо дѣламъ продолженіе и бѣднымъ челобитчикамъ лишняя волокита, послѣдовало, ибо которыя дѣла (ежели-бъ Сенатъ былъ въ прежней своей власти) по разсмотрѣніи въ Сенатѣ тотчасъ въ присутствіе Государево рѣшены быть могли, оныя должно было изъ Сената съ экстрактами и мнѣніями подавать въ Верховный Совѣтъ, а потомъ въ Кабинетъ, гдѣ оныя паки вновь разсматривались, какъ я выше показано, или ко изъясненію паки въ Сенатъ присылаемы, или прямо въ Кабинетъ справки собираемы были и отъ того только продолженіе, а не иная польза была: хотя-жъ по именному блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны указу и велѣно было Сенату важныя дѣла слушать и мнѣнія свои письменно давать и съ тѣмъ посылать и разсужденія требовать отъ кабинетъ-министровъ, почему кабинетные министры нѣсколько разъ обще съ сенатомъ и опредѣленія крѣпили, но онаго чинено зѣло мало.

И по довольномъ, всѣхъ вышесказанныхъ о правительствѣ опредѣ-

леній, рассмотрѣнія Вашему Императорскому Величеству къ высочайшей апробаціи собраніе всеподданнѣйше представляетъ: ради убѣжденія всѣхъ вышеписанныхъ затрудненій и долговременныхъ дѣлъ продолженій и бѣднымъ челобитчикамъ напрасной волокиты, разсуждается учредить Сенатъ во всемъ на прежнихъ основаніяхъ, данныхъ блаженныя памяти отъ отца Вашего, Государя, Его Императорскаго Величества Петра Великаго, и для того оныя собравъ, изъ всѣхъ сочинить обстоятельную сенатскую должность, понеже тогда отъ Его Императорскаго Величества, подлежащія къ должности Сената, указы положены послѣ сочиненной въ 1722 году сенатской должности въ разныя числа и многія, которымъ въ должности сенатской быть надлежитъ, въ оную не внесено.

Князь Ив. Трубецкой, Peter Comte de Lascy, князь Алексѣй Черкасскій, Григорій Чернышевъ, Андрей Ушаковъ, Василій Левашевъ, Головинъ, князь А. Куракинъ, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, князь Н. Трубецкой и Александръ Нарышкинъ.

8 дня декабря
1741 г.

Александръ Филипповъ.